

С. РЕЙСЕР, А. ФЕДОРОВ

ГЕТЕ В РУССКОЙ ЦЕНЗУРЕ

1. ЗАПРЕЩЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ ИЗ ГЕТЕ

1

В период 1796—1804 гг. положения, точно определявшего задачи и круг деятельности цензуры, в России не существовало. Указом от 16 сентября 1796 г. Павел I «признал за нужное» учредить цензуру «в прекращение разных неудобств, которые встречаются от свободного и неограниченного печатания книг». Естественно, что такая расплывчатая формулировка давала бесконечный простор произволу и самодурству отдельных чиновников. Особенно прославился на этом поприще рижский цензор Федор Осипович Тимковский. Достаточно сказать, что из общего числа задержанных в период 1797—1799 гг. 639 книг 552 запрещения, т. е. 86%, падают на долю Тимковского. Свифт, Бокаччио, Виланд, Шиллер, Кант, Гердер, Клопшток, Руссо, Вольтер, Гете—вот список запрещенных Тимковским авторов. А в 1800 г. он запретил даже и немецкий перевод «Писем русского путешественника» Карамзина! Тимковский кончил тем, что подал Александру I донос на «якобинцев города Риги», в числе которых будто бы находились все официальные чины города во главе с генерал-губернатором. Отставленный «с пенсией» от должности, он вскоре скончался¹.

Первый касающийся Гете документ, так сказать знакомство Гете с русской цензурой, относится к 1797 г., когда Тимковский особым рапортом генерал-прокурору Сената предложил запретить «Вильгельма Мейстера». Речь шла об издании 1796 г. («Goethes neue Schriften», IV Band). «Безусловное утверждение, будто блаженство наше состоит в том, чтобы всеми силами достигать того, что нам справедливым и хорошим кажется, противно правилам истинной мудрости, чтобы во всех своих желаниях и намерениях и деяниях соображаться законам государственным и правилам веры. На стр. 110 [автор] отвергает достоверность священного писания. На 202 предлагает новый образ воспитания, чтобы погрешностей не предвзяты или в первом оных начале не истреблять, но допустить первее к преисполнению меры. Сие новое у новейших писателей часто нам встречающееся учение кажется зловердно для воспитания, да и опасно для юношества. И тут же на 224-й опорачивает доселе существовавшее нравоучение и гражданские о том установления. И другие новые выражения о жизни, владении именьями и прочая на стр.*23, 32, 40, 206, 208, 238, 239 и т. д.»².

Характерны и два следующие рапорта, также касающиеся «Вильгельма Мейстера»³; за недостатком места привожу их без всяких комментариев и без подробных цитат из соответствующих мест книги. Первый из рапортов касается I тома в изд. 1795 г. «Четвертый том сей книги запрещен уже под № 57, а в сем томе находятся следующие сомнения: на стр. 21 и 22 собрание смешное и сатирическое в куклах, представляющих царя Саула, Ионафана, пророка Самуила, Давида и прочих. Стр. 85 и 87: ежели государи овладев всем, со всего получают доход и пошлины, для чего не торговать и нам оными. Стр. 105 «Кто воспрещает тебе быв в объятиях одного мыслить о другом»—кажется есть неблагопристойно и для девиц и жен соблазнительно. (Разрядка моя.—С. Р.) Стр. 159. Кафедру проповедников и театр поставляя в одно достоинство, желает чтобы проповедники и комедианты жили в согласии. Стр. 172 отвергает промысел божий, приписывая в свете все необходимости и случайности. И прочие страницы: 168, 203, 204, 206, 207, 233, 237, 238, 316, 325, 338, 350 и проч.»⁴

Второй рапорт о III томе (1795 г.) «Вильгельма Мейстера» таков: «Четвертая часть сего романа запрещена, а в сей части следующие сомнения: стр. 31 и 32 не хвалит различия в обществе состояний дворянства и мещанства. Стр. 141 и 142 неприличные рассказы о царском достоинстве. Стр. 241, 242 и 247 легкомысленности о благоговении к богу, стр. 284 соккрытая и весьма тонкая сатира на внеш-

ность веры и обряды в молитвах. Стр. 290 странное толкование о грехе, отделяющем человека от Бога, с коим всегда быть должно. Стр. 300 смеется над стихословием царя и пророка Давида, над Псалтырью»⁵.

В 1797 г. подвергся запрещению и X том того же издания, содержащий «Рейнеке-Лис». «Содержание шутиwego и замысловатого сатирического в нравовании: коль часто злодеи торжествуют над праведными, потому что первые и хитры и лживы, а последние токмо честны и усердны. Но в следующих местах выражения для читателей кажется сумнительны: стр. 132—две последние строки и на стр. 133 первая строка. Стр. 142 призывание духа святого лисицею кажется весьма не кстати. Стр. 219 легкомысленное рассуждение о присяге, стр. 280 от слов *Raubt der König ja selbst so gut als einer...* до слов на стр. 283 *Kleine Diebe hängt man so weg...* сокрытая сатира на самодержавные правительства. От стр. 301 до 304 сатира на правление и деяния римского папы»⁶.

Чтобы закончить перечень трофеев Тимковского, следует привести еще один рапорт о книге «*Aufsätze in Stammbüchern. Aus den Schriften Wielands, Goethes, Klopstocks u. a. gesammelt. Gallen*». К сожалению в ленинградских книгохранилищах не нашлось этого издания и потому нельзя точно определить, что и в каких размерах касается Гете. Содержание смутивших цензуру мест в рапорте более или менее подробно изложено. Тимковскому показались подозрительными следующие места: «Стр. 41 статья 293 касательно рабства и бедности государей в друзьях. Статья 276. Якобы к существу покоя, волнкости и народного блаженства потребные по временам кровопролития и слезы. На стр. 45 статья 296 якобы титуло великих заслуживающие редко бывают добрые люди, что конечно обидно для заслуживающих потом и трудами сие титуло. На стр. 86 статья 591 якобы тот умный человек, кто слову или хвалу в подвигах презирает; там же статья 593 якобы смерть государя, министра и проч. ничто, поелику их место всяк заступит может»⁷.

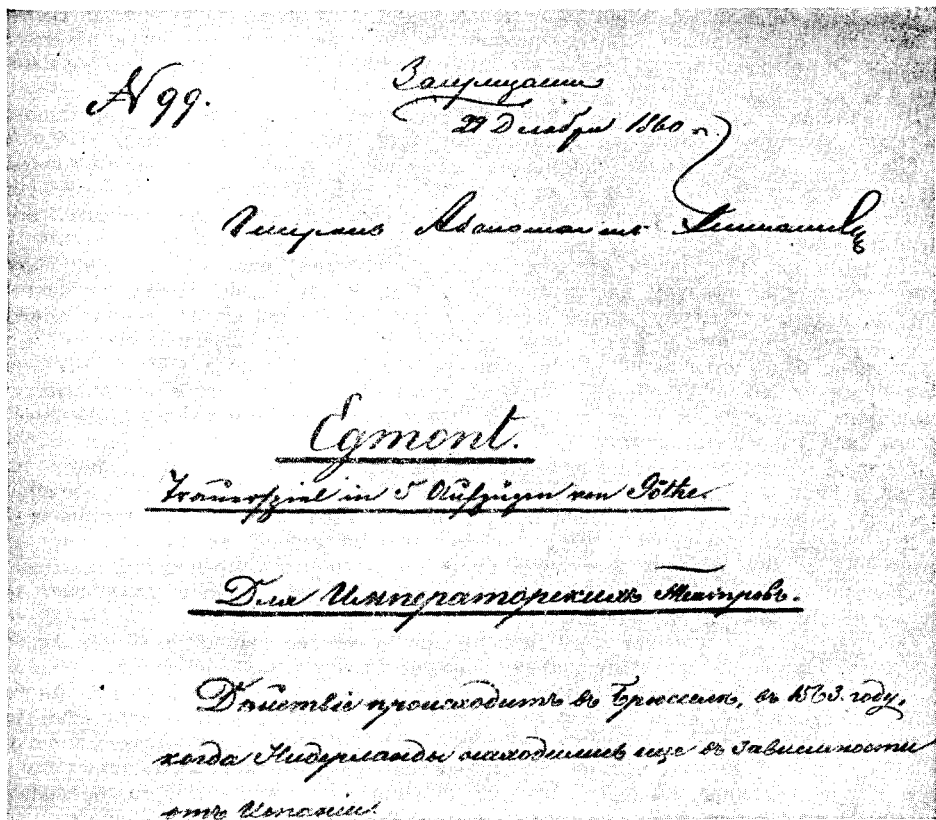
2

Другие ранние произведения Гете в русских переводах, насколько можно судить по материалам ленинградского отделения Центрархива, вернее говоря, по отсутствию этих материалов, не вызывали цензурных запретов. Первое произведение Гете на русском языке — «Клавиго» в переводе О. П. Козодавлева. Перевод этот, выдержавший в течение года с небольшим два издания⁸, не встречал, как впрочем и последующие, цензурных препятствий. В 1816 г. это произведение Гете было одобрено к представлению на сцене; то же в 1835, 1842 и 1862 гг.⁹ Точно так же свободно проходил, не возбуждая сомнений, и перевод «Гецца фон Берлихингена»¹⁰.

Далеко не так благополучно проходил через цензурные чистилища «Фауст». Первая попытка издать полный русский перевод была произведена поэтом и переводчиком Эдуардом Ивановичем Губером около 1835 г. Перевод этот был цензурой полностью запрещен. Этот эпизод в делах ленинградского отделения Центрархива никак не отмечен, и судить о нем можно только по свидетельству третьих лиц. Существует не вполне достоверный рассказ о том, что когда Губер узнал о решении цензуры, он в бешенстве разорвал рукопись—результат многолетнего труда. Традиция и сам Губер утверждают, что уже вскоре он «по настоятельному желанию Пушкина с новой силою принялся за вторичный перевод «Фауста»; под его [Пушкина.—С. Р.] надзором, труд... быстро подвигался вперед»¹¹; во всяком случае в конце 1837 или начале 1838 г. вторичный перевод был уже почти готов и имел быть представленным в цензуру. Книга вышла в самом конце 1838 г. (цензурное разрешение от 12 сентября).

Как проходила книга через цензуру, мы в точности не знаем, но можем судить по результатам. Книга вышла с огромным количеством пропусков сцен, реплик, стихов и даже отдельных слов. Всего в этом издании было исключено около 40 отрывков большего или меньшего размера. Достаточно сказать, что полностью исключен «пролог на небесах»; нечего говорить о второй части: от нее в этом издании вовсе не осталось следа.

Когда А. Г. Тихменев через 11 лет после смерти Губера (в 1847 г.) и почти через 20 лет после первого издания, возбудил ходатайство о разрешении издать перевод Губера вторым изданием, дополнив его поправками, еще не бывшими в печати, испуганный Санктпетербургский цензурный комитет переслал все дело в Главное управление цензуры; последнее, усмотрев в этом нарушение каких-то норм, определило: «предложить сему комитету рассмотреть вышеозначенную книгу с рукописными в ней вставками на основании существующих цензурных постановлений»¹².

Рапорт цензора драматических сочинений при Главном управлении цензуры Ив. Нордстрема
 об „Эдмонте“ Гете с резолюцией начальника штаба корпуса жандармов генерала А. Е. Тимашева
 Ленинградское Отделение Центархива

Второе издание «Фауста», тоже далеко не полное, все-таки вышло в 1859 г., и таким образом мы можем установить, что именно в переводе Губера так пугало цензуру ¹³.

Что до театральной цензуры, то она в противоположность общей цензуре относилась к первой части «Фауста» в общем не особенно враждебно.

Первый встречающийся документ относится к 1834 г. Вот заключение цензора Ольдекопа, свидетельствующее о том, что «Фауст» был произведением, давно уже разрешенным и не вызывавшим цензурных тревог.

«Cette piece a été déjà representée plusieurs fois à St.-Petersbourg; c'est Mr. W. A. Wahlberg qui me l'a présentée avant de quitter St.-Petersbourg pour la jouer à Riga et Revel» ¹⁴.

Перевод:

«Эта пьеса уже много раз шла в Петербурге. В. А. Вальберг перед своим отъездом из Петербурга представил мне ее для постановки в Риге и Ревеле».

Пять лет спустя городской театр в Ревеле снова просит о разрешении возобновить постановку «Фауста».

«Можно» начертал на представлении Ольдекопа генерал-майор Дуббельт ¹⁵.

Впрочем когда в том же году Немецкий театр в Петербурге просил разрешения о постановке «Фауста», то Ольдекоп счел нужным в заключение своего представления заметить:

«Plusieurs auteurs ont arrangé cette poésie de Goethe pour la scène dramatique, et tous ces arrangements ont été permis en russe et en allemand. Cet arrangement de Tick peut être permis avec les mêmes restrictions que les précédentes».

Перевод:

«Ряд авторов перерабатывал это произведение Гете для драматической сцены, и все эти арранжировки были разрешаемы к постановке на русском и немецком языках. Эта арранжировка Тика может быть разрешена с теми же ограничениями, как предыдущие»¹⁶.

Это замечание даст основание заключать, что какие-то сокращения или изменения в тексте «Фауста» в обработке Тика все же были. Нам они неизвестны.

Следующее несущественное упоминание о «Фаусте» в делах цензурного ведомства находим только 21 год спустя¹⁷, когда в 1860 г. «Фауст» предназначался к постановке на сцене императорских театров. Постановка 1-й части была разрешена беспретятственно¹⁸.

Несмотря на такое, почти благожелательное, отношение, отдельные издания «Фауста» заставляли цензуру настораживаться. Так, когда А. Ф. Маркс задумал в 1888 г. издать иллюстрированный перевод «Фауста», снабдив его гравюрами немецких художников, понадобилось дать цензурному комитету обещание в том, что: 1) издание будет отпечатано в ограниченном числе экземпляров (1550) и 2) цена ему будет от 30 до 40 рублей. Так как немецкое издание с теми же рисунками было уже разрешено к ввозу в Россию, цензурному комитету не осталось ничего иного, как разрешить издание¹⁹.

Наконец последнее известное мне дело о «Фаусте» относится к 1912 г., когда начальник Главного управления по делам печати А. В. Бельгард признал пьесу «Фауст» для народных сцен неудобной. Речь шла о переделке Д. А. Мансфельда²⁰.

Все сказанное относится к первой части. Что до второй, то для иллюстрации отношения к ней цензуры достаточно будет привести два сохранившихся поздних документа: они относятся к 1889 г., когда начальником Главного управления по делам печати был Е. М. Феоктистов.

Оба рапорта принадлежат перу цензора драматических сочинений И. П. Альбединского. На обоих—запретительные резолюции Феоктистова:

«Действительный студент императорского Казанского университета артист Анатолий Николаевич Кремлев просит о разрешении для сцены двух частей «Фауста» в вышеназванном переводе [Холодковского.—С. Р.]. Сделав необходимые мною исключения в первой части «Фауста», я такую к представлению дозволяю. Что же касается до второй части, то, признавая одну вполне непригодной для сцены, я в этой части просьбы г. Кремлева удовлетворить его не могу, и так как вторая часть «Фауста» по содержанию и объему своим составляет вполне самостоятельное сочинение, то о ней я имею честь представить настоящий доклад»²¹.

Следующий рапорт, содержащий подробный разбор второй части «Фауста», несравненно интереснее; он необычайно ярко характеризует «цензурную поэтику» 80—90-х годов.

«Вторая часть «Фауста» разрешена к представлению в приспособленной для сцены версии Волгеяма в 1875 г. покойным Е. И. Кейзер-фон-Нилькгеймом. В русском переводе она запрещена 30 прошлого марта, по моему докладу.

Не говоря подробно о непригодности вообще такого рода философского сочинения к представлению перед всякой публикой, я нахожу еще, что по разным местным условиям вторая часть «Фауста» в настоящее время неудобна на сцене в России.

Все те места драмы, в которой появляется анонимный император (хотя и чисто немецкий), могут вызывать в публике неудобные демонстрации. Так например в 1-м действии (стр. 8)

Der Bürger, hinter seinen Mauern,
Der Ritter auf dem Felsenest
Verschworen sich uns auszudauern
Und halten ihre Kräfte fest²².

Это место публикой может быть применено к той части жителей Прибалтийских губерний, которые недовольны настоящими преобразованиями. (Разрядка моя.—С. Р.)

Сцена маскарада, кончающаго[ся] фейерверком, долженствовавшая изобразить первую французскую революцию, тоже по моему мнению неудобна.

Император, обращающийся к чарам, к нечистой силе для победы над подданными, тоже для сцены неуместен.

Еще могу отметить:

Сцену выпуска бумажных денег, по наущению Мефистофеля (стр. 39). Она совсем не для малообразованной публики.

Сцену сотворения человека в реторте химическим способом (стр. 62а).

Заключительные сцены, в которых ангелы уносят душу Фауста на небо и появляются Pater Ecstasticus, Pater Profundus, Pater Seraphicus, Mater Gloriosa (Божия мать), Св. Мария Египетская (стр. 20 и посл.).

В разрешенной в 1875 г. сокращенной версии этой второй части «Фауста» все мной вышеуказанное тоже существует. Также в заключительной сцене появляются Pater Seraphicus, Mater Gloriosa и ангелы.

Вычеркивать же красными чернилами отдельные места я полагаю неудобным. Творения Гете настолько известны, что такое вычеркивание может только обратить особое внимание публики на эти места и придать им даже более важности, чем они действительно имеют.

Мне кажется, что было бы для дела выгодно сообщить лифляндскому губернатору про существующую уже разрешенную версию «Фауста» и указать ему на некоторые неудобства Допущения оной на рижской сцене в настоящее время»²³.

Характерно, что в 1889 г. цензуру смущали те же самые места, что и за 50 с лишним лет до того, когда в 1835 г. цензурой был запрещен перевод Э. Губера. Впрочем запрещение творения Гете в другом случае, тоже по одним и тем же мотивам, продержалось гораздо дольше. Я имею в виду «Эгмонта».

3

Пока, как видим, придирки «богомольной важной дуры или чопорной цензуры» (Пушкин) шли все время по линии религиозной. Вальпургиева ночь, излишне пытливые высказывания Фауста и Мефистофеля, рождение Гомункулуса в реторте, ночные похождения бога (хотя бы и индийского—об этом ниже), сомнения в бессмертии души—все это старательно удалялось из сознания русского читателя и зрителя Гете в самом буквальном смысле *ad maiorem Dei gloriam*.

«Потрясение политических основ» цензура усмотрела в «Эгмонте», на цензурных злоключениях которого следует остановиться особо. Это произведение долгие годы было под безусловным и совершенным запретом²⁴. Никакие компромиссы в виде сокращений или переделок пьесы, как в «Фаусте», были невозможны. Эгмонт—борец за национальную независимость Нидерландов—был слишком революционен в представлении цензоров Главного управления цензуры, даром что в произведении борьба протекает на фоне столкновения католиков с реформистами. Впервые «Эгмонт» был запрещен к представлению на Немецком театре в 1806 г. на том основании, что «в пьесе находятся многие прения о правах государей на их подданных, и содержание ее заключается в возмущении нидерландцев, которое, вместо того чтобы внушить зрителям повиновение правительству, может возбудить в них совсем противоположные чувства»²⁵.

Это запрещение было подтверждено в 1808 г. В деле «О рассмотренных Санкт-петербургским цензурным комитетом и дозволенных к напечатанию сочинениях и переводах...» находим постановление от 24 марта о запрещении постановки пьесы на сцене. (Представление цензора Зона.)²⁶

Пьеса была запрещена всерьез и надолго, и в течение четверти века мы не находим никаких попыток ни получить разрешение на постановку на сцене, ни издать перевод «крамольной» пьесы. К 1832 г. относится освещенный в делах ленинградского отделения Центрархива эпизод с запрещением «Эгмонта» к печати. Перевод, о котором идет речь, принадлежал А. А. Шишкову. Цензор Семенов, о котором в связи с Гете речь будет идти и дальше, запретил издание перевода трагедии Гете: «...ибо в оной яркими красками представлено возмущение нидерландцев против власти испанского короля, делать же в оной какие-либо значительные перемены комитет почел себя не в праве, поелику сочинение сие относится к классическим произведениям словесности».

Характерна деликатность цензора, не решающегося исправлять Гете!

По жалобе не согласившегося с этим решением переводчика (так помечено в деле, в действительности Шишков умер 27 сентября) Санктпетербургский цензурный комитет 17 ноября передал дело на заключение Главного управления цензуры, которое 28 ноября подтвердило решение Комитета²⁷.

Это дело касается повидимому «Немецкого театра» А. Шишкова, изданного М. Погодиным (см. его письмо Пушкину от 18 апреля 1832 г.). В 4 вышедших частях «Эгмонта» нет; 5-я часть, в которой он должен был быть помещен, не вышла.

Этот эпизод несомненно находится в связи с другим, тоже связанным с именем Шишкова эпизодом, когда предстательство за него перед цензурой косвенно взял на себя Пушкин. Когда Российская Академия приняла предложение Пушкина об издании трудов Шишкова, встретились какие-то цензурные затруднения, опять-таки в связи с «Эгмонтом», намеченным к включению и в это издание. В бумагах Пуш-

кина: сохранился написанный его рукой черновой набросок заявления Уварову, который вдова должна была подать от своего имени. В этом прошении Е. Шишкова (геср. Пушкин) между прочим писала: «встретились затруднения со стороны цензуры, задержавшей перевод Гетева «Эгмонта». Трагедия эта входит в состав «Немецкого театра», который покойный муж вознамеривался издать. «Эгмонт», изданный не особой книжкой, но помещенный в числе других пяти или шести трагедий, кажется может быть дозволен».

Спасти «Эгмонта» все же не удалось. В изданных Российской Академией «Сочинениях и переводах А. Шишкова» (чч. 1—4, СПб, 1834—1835) «Эгмонта» нет. Перевод остался ненапечатанным и неизвестен доселе ²⁸.

Следующая по времени попытка добиться легализации «Эгмонта» в русской литературе и на русской сцене относится только к 1860 г., когда дирекция императорских театров в лице директора А. И. Сабурова обратилась в III Отделение с просьбой разрешить постановку пьесы.

17 декабря 1860 г. А. И. Сабуров писал шефу жандармов кн. В. А. Долгорукому:

«Милостивый государь князь Василий Андреевич!

Препроводив вместе с сим в III Отделение собственной его императорского величества канцелярии для рассмотрения в цензуре немецкую трагедию Гете «Эгмонт», долгом поставляю представить на внимание вашего сиятельства, что хотя эта пьеса и была запрещена к представлению лет пятьдесят тому назад, но теперь я решаюсь ходатайствовать пред вами, милостивый государь, о благосклонном дозволении представления ее на здешней немецкой сцене к тому уважению, что она с разрешения означенной [карандашом на полях вставлено «местной»].—С. Р.] цензуры играется в Остзейских губерниях и что во время пребывания в последний раз государя императора и государыни императрицы в Дармштадте избрана была эта трагедия для торжественного спектакля, данного в присутствии их величеств на домашнем театре» ²⁹.

Заключение цензора Нордстрема было вполне благоприятно для Сабурова.

Излагая содержание «Эгмонта», Нордстрем в своем представлении писал:

«Действие происходит в Брюсселе, в 1563 году, когда Нидерланды находились еще в зависимости от Испании.

Преследование католическим правительством укоренявшегося в Нидерландах реформатского учения вызвало неудовольствие в народе. Хотя для подавления религиозного волнения принимаемы были самые строгие меры сестрою короля Филиппа II, герцогинею Маргаритою Пармской, управлявшею страной, но эти меры не удовлетворяли испанское правительство: Филипп II поручил управление Нидерландами вместо Маргариты герцогу Альбе, человеку жестокому и честолюбивому, который решился для восстановления безусловной покорности лишить народ прав и привилегий, дарованных ему прежними государями. Народ с своей стороны полагал всю надежду свою на принца Вильгельма Оранского и графа Эгмонта, нидерландских вельмож, отстаивавших пред правительством эти вековые права и привилегии его. Граф Эгмонт, герой этой трагедии, нидерландец по происхождению, воспитанный при испанском дворе, был искренне предан королю и в то же время любим народом по открытому, честному характеру своему, щедрости и по храбрости, которою он отличался во многих битвах, прославивших его родину. Но Эгмонт пользовался своим влиянием на народ только для удержания его в полном повиновении пред правительством. К несчастью графа Эгмонта, новый правитель, герцог Альба, был с самого детства враг его. Тотчас по прибытии своем в Брюссель Альба, желая овладеть любимцами народа, пригласил к себе всех знатных нидерландцев, в том числе принца Оранского и графа Эгмонта. Принц Оранский как опытный и проникательный человек, поняв коварное намерение Альбы, удалился из Брюсселя, Эгмонт же явился немедленно в полной надежде на личное расположение короля к нему и не сознавал за собою никакой вины, несмотря на предупреждение принца Оранского. При свидании с Альбою Эгмонт высказывает свое убеждение, что взволнованный народ могут успокоить только кроткие меры и обещание упрочить за ним вековые права и привилегии и что мнение это он сочтет долгом повторить и пред лицом самого короля. Но герцог Альба, решившийся во что бы то ни стало погубить Эгмонта, пользуясь неограниченным уполномочием своим, приговорил Эгмонта к смертной казни будто бы за государственную измену, и таким образом голова Эгмонта пала на плахе как жертва личной ненависти Альбы. Между тем граф Эгмонт, охранявший права своего народа, по убеждению в необходимости их огра-

ждения для спокойствия самого правительства, не был ни революционером, ни изменником, ни даже демагогом.

Прекрасный эпизод в этой трагедии составляет умилительная любовь к графу Эгмонту простой девушки Клары. Узнав об осуждении его на смерть, Клара убеждает, хотя безуспешно, своих сограждан освободить Эгмонта из темницы и, по произнесении над ними приговора, отравляет себя ядом.

Трагедия эта была запрещена цензурою еще в 1813 году. Между тем она играется не только на всех германских сценах, не исключая и Вены, но с разрешения местной цензуры и в Риге, составляя повсюду как классическое произведение Гете любимую пьесу. К тому же к ней написана Бетховеном превосходная увертюра.

Ныне дирекция императорских театров ходатайствует о дозволении представления этой трагедии на здешней немецкой сцене в том внимании, что пьеса эта играется в Остзейских губерниях и что во время пребывания в прошедшем году государя императора и государыни императрицы в Дармштадте она избрана была для торжественного спектакля, данного в присутствии их величеств на тамошнем театре.

На случай соизволения на сие, в трагедии сделаны весьма значительные сокращения, с пропуском даже двух действующих лиц, и вообще пьеса получила тот вид, в котором она играется в Вене и, судя по представленной при сем афише, и в Риге. Ив. Нордстрем»³⁰.

Можно было ожидать благоприятного исхода ходатайства, но в дело неожиданно вмешался министр императорского двора В. Ф. Адлерберг, в ведении которого находились театры. Его хранящееся ныне в Центрархиве письмо к В. А. Долгорукому положило конец просьбам Сабурова и заступничеству Нордстрема.

«La tragédie: «Egmont», est un des chefs-d'oeuvre très connu de Goethe, mais une déclamation démagogique s'il en faut et assez immorale en ce qu'elle représente sous des couleurs intéressantes une petite fille maîtresse du héros principal. Cette pièce ayant été défendue par la censure il y a environ 50 ans, je ne vois aucune nécessité de la permettre aujourd'hui; au contraire, j'y vois des inconvénins par le tems qui court. L'ami Sabouroff mérite une verte semonse (et il l'aura) pour avoir demandé l'autorisation de la troisième section, avant d'avoir demandé la mienne pour faire cette démarche; entre nous deux (lui et moi) la chose aurait passé inaperçue, tandis que

La tragédie: «Egmont», est un des chefs-d'oeuvre très connu de Goethe, mais une déclamation démagogique s'il en faut et assez immorale en ce qu'elle représente sous des couleurs intéressantes une petite fille maîtresse du héros principal. Cette pièce ayant été défendue par la censure il y a environ 50 ans, je ne vois aucune nécessité de la permettre aujourd'hui; au contraire, j'y vois des inconvénins par le tems qui court. L'ami Sabouroff mérite une verte semonse (et il l'aura) pour avoir demandé l'autorisation de la troisième section, avant d'avoir demandé la mienne pour faire cette démarche; entre nous deux (lui et moi) la chose aurait passé inaperçue, tandis que

maintenant le refus de représentation pourra donner lieu à des propos. Néanmoins je maintiens le refus comme nécessaire.

Les retranchemens et coupures qu'on a pu faire ne changent rien au fond de la pièce. A l'assertion de la prétendue représentation solennelle à Darmstadt l'an passé en présence de L.L.M.M. est aussi fausse que nulle comme motif pour donner la pièce ici D'abord L. L. M. M. n'ont pas été à Darmstadt l'an passé, mais en 1857 et alors on n'a donné que deux ou trois scènes pour faire valoir le talent d'un acteur et d'une actrice réputés qui étaient en passage; puis en Allemagne «Egmont» n'a jamais été prohibé et ne pouvait l'être étant un chef-d'oeuvre d'un poète reveré par toute la nation. Chez nous il n'y a pas ni urgence, ni convenance (mais maladresse) a retirer des cartons ou elle a été enfoncé pendant un demisiècle, une pièce dont la tendance est révolutionnaire tout en étant la reproduction poétisée d'un fait historique. Veto.

Tout à vous

Adlerberg.

27 Decembre 1860» ³¹.

Перевод этого письма звучит так:

«Трагедия «Эгмонт», один из известнейших шедевров Гете, есть в то же время апология демагогии и в достаточной степени безнравственное произведение, поскольку она представляет в соблазнительных красках маленькую девочку, любовницу главного героя пьесы. Трагедия была запрещена цензурой приблизительно 50 лет назад, и я не вижу надобности дозволить ее и в настоящее время; наоборот, по моему мнению, к тому сейчас есть большие препятствия. Директор Сабуров заслуживает порядочного нагоняя (и получит его) за то, что просил разрешения III Отделения, не осведомившись предварительно о моем мнении; между нами обоими история прошла бы незамеченной, между тем как сейчас отказ в разрешении пьесы может породить разнообразнейшие толки. Тем не менее я всецело поддерживаю настоятельность запрещения. Исключения и вымарки, которые могли быть сделаны в пьесе, нисколько не меняют ее существа. Что же касается до указания на представление пьесы в Дармштадте в присутствии их величеств, то оно также неверно как повод дать трагедию здесь. Прежде всего их величества не были в Дармштадте в прошлом году, а в 1857 г., и тогда были даны лишь две-три сцены, дабы показать во всем блеске таланты двух знаменитостей: одного актера и актрисы, бывших в Дармштадте проездом. Наконец в Германии «Эгмонт» никогда не был и не мог быть запрещен, принадлежа к числу шедевров поэта, известного всему народу, У нас же нет вовсе необходимости, неприлично и неосторожно вытаскивать из архива произведение, пробывшее там около полувека и по существу революционное, хотя основанное на исторических фактах. Veto. Преданный вам Адлерберг. 27 декабря 1860» ³².

После вмешательства Адлерберга нечего было и думать о разрешении пьесы. На представлении Нордстрема значится краткая резолюция начальника штаба корпуса жандармов А. Е. Тимашева «Запрещается. 22 декабря 1860 г.».

Атака на «Эгмонта» была повторена спустя два года (в 1862 г.), когда санкт-петербургский военный генерал-губернатор кн. А. А. Суворов возбудил ходатайство о разрешении пьесы, на этот раз для немецкого театра. Он обратился со следующим письмом к директору императорских театров гр. А. М. Борху:

«Артистка СПб немецкой драматической труппы Шенгоф-Гаазе желала бы поставить в свой бенефис трагедию «Эгмонт», но встречает к тому препятствия со стороны театральной цензуры. Соображения, стесняющие, по всей вероятности, в этом деле цензуру, по моему глубокому убеждению, не вполне оправдываются характером означенного произведения, в котором автор имел только в виду опозитизировать в исторической личности пламенное стремление к освобождению отечества от власти чужой страны. При этом нельзя не обратить внимания и на то, что лишение здешних немецких жителей возможности наслаждаться представлением любимого национального произведения, дозволенного на всех иностранных театрах, было бы тем более несправедливо, что побуждения, по коим некоторые драматические пьесы, разрешенные у нас в чтении, не допускаются на сцене, не могут относиться к немецкой публике, и по характеру и по настроению далекой от той впечатлительности, при которой превратно понятая мысль автора может иметь вредные последствия. P. S. J'ai la conviction, qu'on ne peut pas raisonnablement refuser cette tragédie; je connais depuis 15 ans la charmante Madame Schengoff-Haase». (Перевод: «Я убежден в том, что нет оснований запрещать эту трагедию: я знаю очаровательную г-жу Шенгоф-Гаазе в течение 15 лет».) ³³

И это ходатайство не увенчалось успехом. Да и момент для него был выбран крайне неудачно. Взволнованное нарастающим революционным движением во время резкого обострения польского вопроса правительство менее чем когда бы то ни было склонно было разрешать постановку произведения, вызывавшего напрашивающиеся сами собой нежелательные аналогии.

В третий раз попытку ввести «Эгмонта» в репертуар театров России сделал новый директор императорских театров А. М. Геденов.

15 октября 1869 г. он обратился в III Отделение с просьбой о разрешении постановки «Эгмонта». Попытка оказалась столь же безуспешной, как и две первые. «В виду запрещения, которому подвергалась эта пьеса в прежнее время, не признается и ныне удобным разрешить ее к представлению», отвечал Геденову начальник Главного управления по делам печати М. Н. Похвиснев³⁴.

Многострадальный «Эгмонт» был разрешен к постановке лишь 30 сентября 1883 г., когда дальнейшие репрессии явно потеряли всякий смысл. Было вытаскано из архивов старое представление Нордстрема, написанное в благожелательных для «Эгмонта» тонах, и на копии его ниже запретительной резолюции Тимашева рукою Е. Феокистова была положена следующая резолюция: «Считаю возможным разрешить к представлению»³⁵.

Но злоключения «Эгмонта» на этом не кончились. В 1901 году (!) пьеса дважды (8 марта и 1 мая) в переводе на латышский язык была представлена в цензуру и оба раза запрещена. Нельзя не привести мотивировки этого запрещения: «Я полагал бы,—писал цензор,—не разрешать ее к исполнению в латышском переводе, находя, что возбуждение в инородческих элементах сочувствия к деятелям политической революции, направленной против национальности и религии, нельзя признать безвредным»³⁶.

Такова цензурная история «Эгмонта» по материалам ленинградских архивов.

4

И «Фауст», и «Эгмонт»—крупные произведения Гете, и в них цензурные затруднения шли сразу по двум линиям—общей цензуры и особой театральной, подчиненной непосредственно министру императорского двора и III Отделению; в отношении «Фауста» нападки шли по линии главным образом второй части: первая проходила цензуру более или менее благополучно.

Из мелких произведений Гете удалось найти лишь одно дело: можно предполагать, что особых волнений лирика Гете в умах цензурных мужей не производила. Зато содержание единственного найденного дела искупает их количественный недостаток.

В конце 1831 г. в петербургскую цензуру в числе прочего материала, намеченного к печатанию в альманахах «Северные Цветы» и «Альциона», поступили стих. «Горные вершины», соч. Ставелова (для «Северных Цветов») и «Баядера» в переводе барона Розена (для «Альционы»). Рассматривавший их цензор В. Семенов, а вслед за ними и Санктпетербургский цензурный комитет признали: «что в первом из сих стихотворений выражается повидимому сомнение касательно бессмертия души, а во втором «индийский главный бог «Магад» властитель земли, ниже названный всеведцем, нисшедший с неба для испытания людей, проводит ночь с распутною баядеркою, которую воспламеняет чистейшей любовью, что производит страшное смешение понятий божества и разврата».

Главное управление цензуры, в которое было передано все дело для окончательного решения, «согласилось с мнением Комитета о невозможности позволить первое из оных; во втором хотя не усмотрело предосудительного ни в изложении ни в намерении автора, но, чтоб избежать могущих произойти неприличных применений, признало за лучшее не дозволить оного»³⁷.

Неясно, о каком стихотворении «Горные вершины» идет речь. Стихотворение названо в рапорте цензора «Сочинением Ставелова», но, судя по выделению его в одно дело с «Баядерой», оно являлось если не буквальным переводом элегии Гете, то подражанием³⁸. Лермонтовский перевод тех же строк, напечатанный девять лет спустя в «Отечественных Записках» (1840, № 7), не вызвал никаких возражений со стороны цензуры.

Вообще самое изощренное воображение будет бессильно усмотреть «сомнение в бессмертии души» в 8-строчной элегии Гете. Очевидно цензора смутили заключительные строки, в которых он и усмотрел кощунственное неверие:

«Warte nur: balde
Ruest du auch»³⁹.

Что же до злополучной «Баядеры» и ее похождений с «индийским главным богом Магадэ», то самое интересное во всей истории заключается в том, что за 4 года до возникновения этого дела «Брама и Баядера. Индийская повесть из Гете» была в переводе Ч—ва благополучно и полностью напечатана в «Славянине» за 1827 г. (часть III, стр. 62—65, цензурное разрешение цензора К. Сербиновича от 30 июня 1827 г.), а в 1828 г. «Магадев и Баядера. Индийская песня» была столь же благополучно целиком напечатана в «Опытах» Александра Ардалионовича Шишкова (М., 1828, стр. 33—37. Цензурное разрешение П. Гаевского от 18 марта 1828 г.). Далее: в 1838 г. в «Московском Наблюдателе» были помещены два перевода «Магадева и Баядера» — один П. Петрова, другой К. А[ксакова]⁴⁰. Судя по тому, что Шевырев организовал своего рода состязание переводчиков, печатая следом два перевода, можно думать, что произведения проходили через цензуру совершенно свободно, не возбуждая никаких подозрений.

Однако оправдывая изречение о неисповедимых судьбах русской цензуры, шестому переводу «Баядеры» снова не повезло. Когда Алексей Толстой в 1867 г. хотел напечатать в «Русском Вестнике» свой перевод легенды, цензура произвела ряд изменений, и в этом искаженном виде стихотворение и увидело свет⁴¹.

По возможности было устранено частое упоминание божества и «сладострастные» мотивы; наемница же предпочтительно именуется девой.

Так вместо слов: «Лик наемницы облит» — стояло: «Дева плачет и дрожит».

Вместо: «И стан изгибая, обходит кругом» — было: «И поступью легкой обходит кругом»... и т. д.

Впервые полный перевод под заглавием «Бог и баядера» (вместо первоначального «Магадэв и баядера») появился в 1876 г.⁴²

В заключение обзора следует еще упомянуть о двух отзывах цензуры, касающихся пьесы Голлан (по новелле А. Шюкинга) «Goethe in Darmstadt oder der gefangene Dichter», разрешенной к постановке в 1862 г., и биографии Гете, принадлежащей перу Д. Льюиса.

Содержание названной пьесы довольно подробно изложено в рапорте Нордстрема.

«Действие происходит в 1772 г. Молодой Гете, гуляя в саду Дармштадтского дворца, встретился в пещере с супругою ландграфа Гессенского, которая, узнав в нем поэта, пригласила его на вечер во дворец. Но по уходе ее Гете по ошибке был заперт в той пещере и, пробыв там целый день в уединении, начал писать свою трагедию «Торквато Тассо». Между тем садовник ландграфа Альтгейер, рассердясь на помощника своего Вильгельма за его любовь к Минетте, дочери его, садовника, упрямил ландграфа сдать Вильгельма в солдаты. Вильгельм, схваченный около пещеры, был принят за поэта Гете и ландграфом по ходатайству супруги последнего освобожден от рекрутства. Таким образом случайное заточение Гете помогло бедняку избавиться от военной службы, к которой он не имел никакого призвания.

Этот анекдот служит основанием настоящей пьески, в которой предосудительного нет ничего»⁴³.

В 1865 г. цензор А. Смирнов представил цензурному комитету рукопись перевода книги Д. Льюиса «Жизнь Гете».

Цензор считал возможным разрешить книгу за исключением отдельных мест вроде «циничной выходки против значения брака в XVIII столетии», «сопоставления пророков и апостолов со Спинозой и Макиавелем» и т. д.

Санктпетербургский цензурный комитет нашел, что рукопись не представляет ничего противного правилам цензуры и как превышающая по объему 20 листов может быть напечатана без предварительной цензуры⁴⁴.

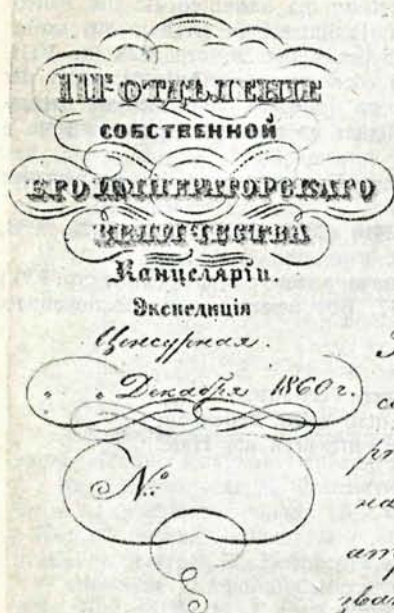
С. Рейсер

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Общую характеристику рижской цензуры см. в ст. В. В. Сиповского, Из прошлого русской цензуры. «Русская Старина» 1899, №№ 4 и 5. О Тимковском см. у Коцебу, Une année mémorable de ma vie (Berlin, 1802). Ср. Н. И. Греч, Записки. «Academia», Л., 1930 г., стр. 151 сл.

² «Дело канцелярии генерал-прокурора правит. Сената. Донесения цензур Рижской, Московской, Санктпетербургской, Радзивилловской о задержанных печатных произведениях...» 1797 г., № 193, л. 36—36 об. Рапорт № 57. (То же дело за № 163, 1797 г. имеется во втором экземпляре.)

Привожу краткие цитаты из соответствующих мест: стр. 110 (ч. VII, гл. 6) — очевидно цензуру смутило рассуждение Терезы: «Ich kann überhaupt nicht begreifen,

Милостивый Государь,

Андрей Иванович!

На отношение Вашего
Превосходительства, от 17-го
сего Декабря за № 10, о раз-
решении къ представляемому
на Императорскихъ Те-
атрахъ драмы Гёте, подъ на-
званиемъ: Эгмонт, имѣющаго честь
уведомить Вася, Милостивый
Государь, что, при всей готовности
моей исполнить Ваше угодное, я,
къ крайнему сожалѣнію, нахо-
жусь въ невозможности испол-
нить желаніе Ваше, изложен-
ное въ означенномъ Вашемъ от-
ношеніи.

Примите, Ваше Превосхо-
дительство, увереніе въ совер-
шенномъ моемъ почтеніи и
преданности.

Его Превосход-
ства
А. И. Сабурова

für sie fort, wie man hat glauben können, das Gott durch Bücher und Geschichten zu uns spreche...», стр. 202 (гл. 9) «...nicht vor Irrthum zu bewahren, ist die Pflicht des Menschenerziehers, sondern den Irrenden leiten, ja ihn seinen Irrthum aus vollen Büchern ausschurfen zu lassen, das ist Weisheit der Lehrer...», стр. 224 (ч. VIII, гл. I) O. der unnöthigen Strenge der Moral... O. der seltsamen Anforderungen der bürgerlichen Gesellschaft...» За недостатком места не привожу более мелких отрывков, отмеченных в конце рапорта. Приведенное дает достаточное представление о том, что именно волновало цензуру.

³ Оба эти рапорта найдены А. В. Федоровым. Благодарю его за разрешение использовать их в настоящем сообщении.

⁴ «Дело по рижской ценсуре»... 1800 г., № 2416 (2889—6205). Рапорт № 1038, л. 229.

⁵ Там же, рапорт № 1073, л. 238 (факсимиле начала этого рапорта см. на стр. 930.)

⁶ «Дело 1797, № 193»... Рапорт № 581, л. 377. Вот некоторые из волновавших цензуру отрывков:

Стр. 132—133

Und der König sprach zu einem seiner Vertrauten:
Freilich ist Reinecke boshaft, allein man sollte bedenken,
Viele seiner Verwanden sind nicht zu entbehren am Hofe.

Стр. 142

Spiritus Domini. Hefte mir nun...

Стр. 219

... besser geschworen
Als verlohren. So sagte mir ernst ein Weiser im Berchstahl
Ein gezwungen Eid bedeute wenig. Das kann mich
Keinen Katzenschanz hindern. Ich meine den Eid vesteht nur...

Особенно яркие два последних места, но привести их в виду обширности невозможно. Они соответствуют середине и концу восьмой песни.

⁷ Там же, рапорт № 271, л. 162.

⁸ Сопиков (ч. V, стр. 271, № 11916) не знает двух изданий и описывает только первое. При этом он ссылается на Смирдина («Роспись», СПб, 1828, № 6917) и Геннади (Справочный словарь, Берлин, 1876, т. I, стр. 213), которые описывают вторые издания. 1-е издание, в самом деле очень редкое, имеется между прочим в Государственной Публичной Библиотеке в Ленинграде. Ср. в статье П. Н. Бержкова, К истории первоначального знакомства русского читателя с Гете. В сборнике «Гете», изд. Академии Наук СССР, л., 1932.

⁹ «Рапорты о пьесах, рассмотренных... в 1862 г.», л. 219. (В дальнейшем просто «Рапорты...»)

¹⁰ Там же, л. 222 и «Рапорты... 1835 г.», л. 130.

¹¹ См. «Литер. прибавл. к «Русскому Инвалиду» 1837, № 34, стр. 335; ср. в статье А. Г. Горнфельда, Сцена из Фауста, «Пушкин», сочин. под ред. С. А. Венгерова, СПб, 1908, т. II, стр. 410 и в статье С. А. В[енгерова] об И. А. Беке в «Крит.-биограф. словаре...» СПб, 1891, т. II, стр. 384 сл.

¹² «Дело канцелярии министра народного просвещения по Главному управлению цензуры по представлению С.-Петербургского цензурного комитета о дозволении напечатать вторым изданием «Фауст», соч. Гете, пер. Э. Губера». 1858 г., № 333.

¹³ «Сочинения» Э. И. Губера, изд. под ред. А. Г. Тихменева, т. II, «Фауст», трагедия Гете, СПб, 1859. Цензурное разрешение В. Бекетова от 13 января 1859 г. В настоящей заметке, преследующей целью исключительно публикацию цензурного материала, анализ цензурных сокращений и дальнейшая история издания этого перевода «Фауста» не дается. О ней см. в настоящем номере в статье В. М. Жирмунского.

¹⁴ «Рапорты... 1834 г.», л. 201.

¹⁵ Вот это представление: «Cette pièce est déjà permise a plusieurs reprises pour la scène de St.-Petersbourg et pour d'autres theatres de l'Empire». Перевод: «Эта пьеса была уже многократно разрешена к представлению в Петербурге и других городах империи».

¹⁶ Разрядка моя.—С. Р.— Там же, л. 61.

¹⁷ Перед тем в 1837 г. «Фауст» был разрешен к постановке в Немецком театре в Риге («Рапорты... 1837 г.», л. 194), а в «Рапортах о пьесах... 1847 г.» (л. 179) находим заключение М. Геденова о либретто на тему «Фауст»: «Эта легенда писана

не для театра, а для концерта и должна быть исполнена г-ном Берлиоз. Она состоит из разных песен и регистров, не заключающих в себе ничего предосудительного». (Разрешено 27 февраля 1847 г.)

¹⁸ «Рапорты... 1860 г.», л. 256.

¹⁹ «Дело Санктпетербургского цензурного комитета» по издаваемому А. Марксом иллюстрированному переводу «Фауста» Гете. 1888, № 151.

²⁰ «Рапорты... 1912 г.», л. 24. В «Алфавитном каталоге изданиям на русском языке, запрещенным к обращению и перепечатке в России на 1 января 1894 г.» (СПБ, 1894. Изд. Гл. упр. по делам печати) на стр. 15 (№ 236) находим запрещение Львовского издания (ч. I «Фауста», 1882 г. в переводе Ив. Франко).

²¹ «Рапорты... 1889 г.», л. 55.

²² В переводе Холодковского эти строки звучат так:

Упрямый бюргер за стенами
И рыцарь в Каменном гнезде
Сидят себе, смеясь над нами,
И нас не слушают нигде...

²³ Там же, л. 148—149.

²⁴ Беспрепятственно разрешались к печати лишь совершенно нейтральные отрывки вроде «Песни Клары». Перевод этого отрывка см. в «Деннице» 1838 г., стр. 64 (то же в сочинениях Д. Веневитинова, изд. 1831 г. Там же «Сцена из «Эгмонта»). См. еще в стихотворениях А. Струговщикова (1845 г., стр. 83 и 85) и др.

Полный перевод «Эгмонта» в «Сочинениях В. Гете», изд. 1865 г., т. 11; переп. в «Европ. театре» П. Вейнберга в 1875 г., т. I.

²⁵ «Журнал заседаний Санктпетербургского цензурного комитета», 1806 г., л. 204—205. Цит. по М. И. Сухомлинову, Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I, СПб, 1889, стр. 436. От Сухомлинова без указания источника эта цитата перешла к А. М. Скабичевскому, Очерки истории русской цензуры, СПб, 1892, стр. 166, а от Скабичевского — к Н. В. Дризену, Материалы к истории русского театра, М., 1905, стр. 125.

²⁶ № 38764. К. I. 317. 1805—1811 гг., лл. 521 об.—523. Ср. «Описание дел архива министерства народного просвещения». Под ред. А. С. Николаева и С. А. Переселенкова, т. II, П., 1921, стр. 13—14.

²⁷ Дело № 365 (К. 5991, № 147228) по представлению Санктпетербургского цензурного комитета о переводе трагедии «Граф Эгмонт» соч. Гете. 24/XI—12/XII 1832 г.

²⁸ См. И. А. Шляпкин, Из неизданных бумаг А. С. Пушкина, СПб, 1903, стр. 93, 167, 168; Пушкин, Соч. под ред. П. А. Ефремова, т. VIII, стр. 540. Переписка, акад. изд. под ред. В. И. Саитова, т. III, стр. 23—24; П. Е. Щеголев, Заметки о Пушкине. Изв. 2-го отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1903 г., т. VIII, кн. 4. П. Е. Щеголев датирует это прошение временем до 18 августа 1833 г. В Центрархиве сохранились лишь документы, касающиеся первых двух частей, проходивших цензуру без задержек. См. «Дело № 9 по отношению разных мест с препровождением на рассмотрение рукописей и книг...», л. 33 и сл. и «Дело № 1 1834 г., л. 42 и сл. Ср. еще в статье В. М. Жирмунского в этом номере.

²⁹ См. «Дело собственной е. и. в. канцелярии по III Отделению, 5-й экспедиции, № 3, 1860 г. о пьесе «Эгмонт». К письму приложена афиша на немецком языке городского театра в Риге, свидетельствующая о том, что «Эгмонт» шел там 11 декабря 1860 г. (л. 7). Это специально посвященное «Эгмонта» дело было неизвестно Дризену, вообще использовавшему материал театральной цензуры в своей книге крайне случайно и несистематично.

³⁰ «Рапорты о пьесах... 1860 г.», лл. 258—259. Везде разрядка подлинника.

³¹ «Рапорты... 1860 г.», л. 257 и сл. На письме Адлерберга рукой шефа жандармов В. А. Долгорукова положена следующая резолюция: «Согласно с этим мнением отвечать Сабурову, не упоминая ни о пьесе, ни о подробностях содержания его отношений, что я, к крайнему сожалению, при всей готовности моей делать ему угодное, находясь в невозможности исполнить желание, выраженное им в означенном отношении 27 декабря». Составленный в духе этой резолюции проект ответа Сабурову находится в названном деле III Отделения и воспроизводится в настоящей статье.

³² Перевод цит. по книге Н. Дризена, стр. 211—212.

³³ Там же, стр. 283—284.

³⁴ Цитированное выше дело III Отделения, л. 11 и сл.

³⁵ «Рапорты... 1901 г.», л. 20 и 21.

³⁶ «Рапорты... 1883 г.», л. 41 и сл. Ср. аналогичную формулировку относительно «Фауста» в гл. 2.

³⁷ «Дело по представлению попечителя Санктпетбургского учебного округа о стихотворении «Горные вершины» и «Баядера», 1831 г., № 429.

³⁸ Насколько мне известно, стихотворение Ставелова так и не увидело света. Перевод Розена, найденный в его бумагах в Историческом Музее, печатается в настоящем номере.

³⁹ «Подожди немного

Отдохнешь и ты»—в переводе Лермонтова.

⁴⁰ «Московский Наблюдатель» 1838 г., ч. XVI, стр. 39, пер. П. Петрова; ценз. разр. В. Булыгина от 11 апреля 1838 г. и ч. XVII, стр. 16, пер. К. Аксакова; ценз. разр. И. Снегирева от 11 июня 1838 г.

⁴¹ «Русский Вестник» 1867 г., т. 71, стр. 259—262.

⁴² В подлиннике заглавие «Der Gott und die Bajadere». См. собрание сочинений А. К. Толстого (изд. 1876 г., т. II) и примечания С. А. Венгерова к полн. собр. сочинений в издании А. Ф. Маркса. СПб, 1907, т. I, стр. 525. Есть и более поздние переводы легенды, см. напр. в «Деле» за 1870 г., № 7, стр. 158—160 «Баядерка», пер. Д. Минаева или в «Афишах и объявлениях» 1884 г., № 376 от 20 мая «Магадег и баядера», пер. А. Г.; были кроме того и отдельные оттиски этого перевода.

⁴³ «Рапорты... 1862 г.», л. 221.

⁴⁴ «Дело Санктпетбургского цензурного комитета о рукописи... 2. «Жизнь Гете Д. Льюиса», 1865, № 114. «Книга вышла в 1867 г. О том же в «Журнале заседаний Санктпетбургского цензурного комитета» от 1 декабря 1865 г.

II. КНИГИ ГЕТЕ И «КОМИТЕТ ЦЕНСУРЫ ИНОСТРАННОЙ»

1

Проникновение в Россию иностранной книги с 1828 г. зависело от особого Комитета цензуры иностранной, учрежденного при Главном управлении цензуры. С 1815 по 1828 г. иностранные книги рассматривались Цензурой при министерстве полиции, но это был, так сказать, доисторический период существования иностранной цензуры: материалы, относящиеся к этому времени, сравнительно скудны, и в самой постановке дела не было отчетливой системы—начиная от делопроизводства и кончая принципами оценки чужеземных авторов. Цензура при министерстве полиции рассматривала только особо сомнительные книги, доставленные с пограничных пунктов местными таможенными цензорами. О большом количестве книг, не обративших на себя внимание местных цензоров и благополучно пропущенных, сведений вовсе не сохранилось.

Иностранная цензура вступает в исторический период своего существования лишь после издания Устава о цензуре 1828 г. Лишь начиная с этого года, мы видим полную и подробную картину судеб иностранной книги в России; лишь с этого года имеются точные сведения о всех книгах, проходивших через цензуру (как запрещенных, так и дозволенных к продаже).

В общем положение в России иностранной книги было более благоприятно, чем положение книги русской, еще в рукописи поступавшей на предварительную цензуру. Конечно в иностранном произведении, возникшем в особых, далеких от России, более свободных условиях, могло быть много такого, что не встретилось бы в сочинении русского автора, писавшего в русской обстановке и учитывавшего возможность цензурных препятствий для своей книги. Доза революционного яда в книге иностранной всегда могла оказаться неизмеримо большей, чем в отечественном произведении времен Николая I. Но этот яд выступал в гораздо более откровенном, заметном виде, и потому со стороны цензуры иностранной большей частью не проявлялось такого настороженного и подозрительного отношения к мелочам (якобы скрывающим опасный смысл), какое часто наблюдается в истории внутренней цензуры XIX века.

В частности цензурная судьба гетевских подлинников, проникавших в Россию, была в общем более благоприятной, чем судьба русских переводов из Гете. Запрещения, которым на исходе XVIII в. подверглись со стороны рижского цензора Ф. О. Туманского отдельные тома сочинений Гете, в цензурной судьбе подлинного Гете остались единственным и неповторимым фактом.

Однако отдельные моменты гетевского наследия встречались русской цензурой с известной подозрительностью и позднее.

Так в 1834 г. у рижского цензора Граве возбудили сомнения два места в третьем и четвертом томах «Переписки Гете с Цельтером» (*Briefwechsel zwischen Goethe und Zelter in den Jahren 1796 bis 1832. Herausgegeben von Dr. Friedrich-Wilhelm Riemer. Berlin, 1834*). В своем рапорте от 20 июня 1834 г. он доносил:

«Эта переписка содержит сообщения личного характера о предметах литературы и искусства, преимущественно о произведениях того и другого, известия о небольших поездках, совершаемых Г. Цельтером, замечания по поводу интересных лиц и происшествий. Лишь немногие слова должны быть приведены. См. т. III, стр. 268 и 269, где Гете смеется над выражением: «побелевший в крови христовой», найденным им в стихотворении Вернера, которое он называет «сонетом сумасшедшего» — выражением однако библейским. В т. IV, стр. 267 речь идет о большом наводнении в С.-Петербурге, и Гете говорит: «С тех пор, как великое несчастье сделало очевидным неудачное местоположение громадного города, я невольно думаю об этом положении, если только барометр начинает опускаться (стр. 268), больше всего ночью, когда буря шумит моими соснами. Когда люди, вынужденные необходимостью, подобно венецианцам, селятся в болоте, или подобно первым римлянам, по случайности основываются на плохо выбранном месте, то это понятно; но по доброй воле причинить величайшее бедствие своим подданным, как это сделал великий император, — это слишком печальное следствие принципа безусловной монархии. Старый рыбак, по преданию, предостерегал его, говоря, что это не место для города...»

Комитет должен будет решить, следует ли уничтожать эти строки ¹.

Комитет разрешил сомнения цензора, позволив книгу целиком. В журнале заседания № 38 от 13 сентября 1834 г. сказано:

«Комитет, по рассмотрении этих сомнительных мест, нашел, что приведенные в оных изъяснения Гете как частные мнения иностранного писателя не могут произвести на читателей в России вредного впечатления и потому положил: 3-й и 4-й томы «*Briefwechsel zwischen Goethe und Zelter*» позволить в целости ².

2

Вообще внимание цензоров в материалах о Гете останавливали не столько суждения политические (и не эти суждения играли решающую роль при определении позволительности или непозволительности книги). Места, отмеченные цензурой, относятся к другой категории. Это — высказывания, в которых выразилось недоверчивое и ироническое отношение Гете к священному писанию, к библейской традиции, к вопросам христианской веры, где вопросы эти рассматривались в свете естественно-научной правдоподобности, исторической критики и понятий современной поэту философии.

Характерен в этом смысле рапорт Г. Д. Дукшинского о «Разговорах Гете с Экерманом в последние годы жизни, 1823—1832» (*«Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens, 1823—1832». Von J. P. Eckermann, Leipzig, 1836*):

«В течение нескольких лет будучи почти ежедневным посетителем Гете и пользуясь его дружественным расположением, Экерман держал род журнала беседам своим с сим знаменитым человеком и сообщает ныне оные публике с присовокуплением некоторых сведений о себе и о домашней жизни Гете. Читатель найдет в сей книге суждения Гете о разных предметах, преимущественно же о литературе, но системы и порядка ждать не должен; это просто собрание разговоров и писем различного времени, интересное по литературной славе автора. В цензурном отношении следующие места обращают на себя внимание:

«Ч. 1, стр. 119. «Обращаясь к французским газетам, Гете сказал: «Либералы могут говорить, ибо всяк слушает их с удовольствием, когда они говорят рассудительно; но роялистам, имеющим в руках исполнительную власть, рассуждать вовсе неприлично, они должны действовать. Их дело посылать войска, гиллотинировать и вешать, слова нет, но в публичных местах опровергать мнения и оправдывать принимаемые меры, это уже им не идет вовсе. Если публика составлена была из государей, о, тогда можно бы им было отличаться».

«Ч. 2, стр. 21. «Разговор зашел о том, должно ли принимать, что все люди происходят от одной четы Адама и Евы? Г-н Марциус держался предания, изложенного в Св. Писании, и как естествоиспытатель доказывал оное тем, что природа действует в своих произведениях весьма экономически. «Я должен противоречить этому мнению, возразил Гете, и утверждаю, что природа, напротив того, является всегда изобильною и расточительною. Посему гораздо скорее с природою полагать, что она вместо одной бедной четы начала вдруг производить людей дюжинами и сотнями. Когда земля достигла известной точки зрелости и по стечении вод позеленела, тогда наступило время образования человека; и люди начали образоваться

всегомоществом Божиим везде, где земля позволяла, и может быть прежде всего на возвышениях. Я нахожу такое мнение благоразумным, но почитаю совершенно бесполезным рассуждать, как это случилось. Конечно Священное Писание говорит только об одной чете людей, которую Бог сотворил в шестый день; но одаренные люди, начертавшие слово Божие, сохраненное в Библии, заняты были преимущественно своим избранным народом, и мы не отнимаем у них чести происхождения от Адама. Но что касается до нас, до Арапов, Лапландцев и статных людей еще красивее нас всех, то у нас наверно были другие родоначальники, и вы, господа, конечно согласитесь сами, что между нами и настоящими потомками Адама происходит слишком значительное в разных отношениях различие, в отношении же денег они превзошли нас совершенно».

«Ч. 2, стр. 265. «Речь зашла о Новом Завете по случаю прочитанного мною места, где Христос грядет по морю, а Петр идет ему навстречу. Не читав долго Евангелистов, сказал я, надобно всякий раз вновь удивляться нравственному величию употребляемых ими фигур. Сильное впечатление на нравственную силу воли заключает в себе некоторый род категорического повелительного (т. е. категорического императива.—А. Ф.).—Особенно же, сказал Гете, категорическое повелительное веры, которое простерто Магометом еще далее.—Впрочем, сказал я, если присмотреться ближе, то можно заметить, что Евангелисты наполнены отступлениями и противоречиями, и их книги вероятно подверглись дивным случаям судьбы, прежде нежели соединены были в настоящем их виде.—Историческое и критическое исследование сего предмета, отвечал Гете, есть неисчерпаемое море; лучше всего держаться того, что у нас есть действительно, и заимствовать из сего то, чем можно воспользоваться для нравственного своего образования и укрепления. Впрочем не худо познакомиться с местным расположением, и для сего я не могу рекомендовать вам ничего лучшего, как сочинения Рера о Палестине».

«Мы представляем об исключении двух последних мест при выпуске сей книги в публику, почитая оные противными § 3 Устава, первое же место как относящееся до французской публики полагаем возможным позволить»³.

Ссылка на § 3 Цензурного устава 1828 г. относится несомненно к пункту «а» этого параграфа:

«Произведения словесности, наук и искусств подвергаются запрещению Цензуры на основании правил сего Устава: а) Когда в оных содержится что-либо, клонящееся к поколебанию учения Православной церкви, ее преданий и обрядов, или вообще истин и догматов христианской веры»...

Комитет цензуры иностранной и Главное управление цензуры согласились с мнением Дукшинского, и «Разговоры с Экраном» были позволены «для публики по исключении только предосудительных мест на страницах 21 и 265 второй части, о чем объявлено Комитету предложением Г. Министра Народного Просвещения от 9 Ноября 1836 года № 372».

3

Если здесь с точки зрения цензуры представляли опасность мнения уже старого и сановитого Гете, то в другом случае аналогичная опасность представилась в книге с материалами о Гете молодом, о Гете франкфуртского периода. Дело шло о книге Генриха Деринга «Гете во Франкфурте-на-Майне» («Goethe in Frankfurt am Main» или «Zerstreute Blätter aus der Zeit seines dortigen Aufenthaltes in den Jahren 1757 bis 1775». Gesammelt von Dr. Heinrich Döring. Jena, 1839). Г. Д. Дукшинский писал в своем рапорте:

«В этой книжке собраны мелкие сочинения Гете в стихах и прозе, писанные им во Франкфурте, с присовокуплением в конце суждений о некоторых важнейших его произведениях.

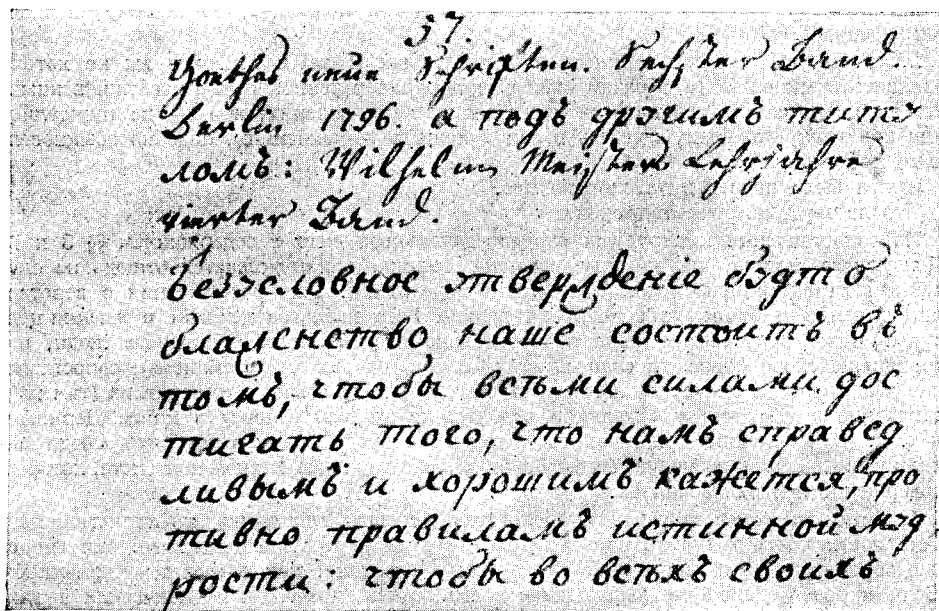
«Цензурою не могут быть одобрены: Послание к одному пастору о веротерпимости на стр. 5—24, Статья под заглавием Два важные, доселе неисследованные библейские вопроса, ныне в первый раз основательно разрешенные—стр. 24—39 и место на стр. 77.—

«В послании автор основывает веротерпимость на разрушении главных начал христианской веры и введении вместо религии совершенного равнодушия к положительным ее учреждениям.—В статье о библейских вопросах доказывает, 1, что заповеди не были написаны на каменных скрижалях, Моисеем полученных, и что мнение о том основано на заблуждении сочинителя книги Моисея и, 2, что говорить различными языками (способность, дарованная Апостолам), не значит объясняться на них, а только сообщать восторжение духа.—

«Чтобы дать ближайшее понятие о предосудительности статей, приведем собственные слова автора:

«...стр. 16. «Богословы чудные люди. Они требуют невозможного: из христианской религии сделать вероисповедание. Уже Петр думал, что в Посланиях Павла есть много непонятного, а Петр был не то, что наши суперинтенденты. Он прав, Павел писал вещи, которых вся христианская церковь in согоге до нынешнего дня не понимает. Страшно и подумать приводить в систему все, что есть в Библии»...

«Стр. 17. «Нет сомнения в том, что при учреждении причастия ученики принимали хлеб и вино точно так, как реформированная церковь; ибо учитель сидел вместе с ними, они обещали повторять то же в его память, потому что его любили, и Христос более не требовал ничего. Поистине Иоанн, лежавший на его лоне, не имел надобности в хлебе, чтобы удостовериться в личном присутствии Господа; словом, у учеников кружилась вероятно голова весь вечер, ибо они не поняли ни одного слова...»

Упомянутая книга Гёттера. Вильгельм Мейстер.
 Берлин 1796. а подв. грешный милос.
 лодь: Wilhelm Meister's Lehrjahre
 чинство Гёттер.
 Безсловное утверждение о
 блаженство наше состоит в
 том, что бы всеми силами дос-
 тигать того, что намъ справед-
 ливымъ и хорошимъ кажется, про-
 тивно правиламъ истинной на-
 родности: то есть во всемъ своемъ

Начало рапорта цензора Ф. О. Туманского, предполагавшего запретить „Вильгельма Мейстера“ Гете
 Рапорт сохранился в деле „Канцелярии генерал-прокурора Правительствующего Сената, донесение цензур
 Рижской, Московской, Санктпетербургской и др.“ 1797 г.
 Ленинградское отделение Центрархива

«Подобные же вещи можно читать еще на стр. 11, 15, 18, 28, 29, 33 и т. д. Мы думаем, что это достаточно доказывает предосудительный дух статей и потому на основании § 78 Устава представляем о запрещении книжки, так как упомянутые статьи занимают почти половину оной»⁴.

«Комитет, соглашаясь с мнением Г. Цензора, положил: запретить эту книжку для публики по требованию §§ 3 и 78 Устава о цензуре».

Параграф 78-й, на который (так же, как и на § 3) здесь сделана ссылка, гласил: «Из книг духовного содержания подвергаются запрещению все те, кои заключают в себе умствования и мнения, противные главным началам Христианской веры, или опровергают учение Православной Церкви, или же ведущие к безбожию, материализму, неуважению Священного Писания и т. п.»

Если художественное творчество Гете и фактические данные его биографии не являлись одиозными в глазах иностранной цензуры, то выводы, которые из этих данных и из самих произведений делались комментаторами, те мнения, которые высказывались по поводу них, могли приобрести непозволительный характер. В январе 1833 г. на рассмотрение Комитета поступила книга «Размышления о поэзии

и философии Гете и его неизбежном переходе от натурализма к рациональному христианству, посвященные достойному старцу одним из его искреннейших почитателей» («Reflexionen über Goethe's Poesie und Philosophie und dessen naturnotwendigen Uebergang vom Naturalismus zum rationalen Christianismus. Dem würdigen Greis selbst vorgelegt von einem seiner aufrichtigsten Verehrer». Altenburg. 1832). Привожу рапорт (Г. Д. Дукшинского):

«Излагая краткое понятие о духе сочинений Гете, автор сей брошюрки доказывает, что сей писатель при вступлении на литературное поприще обнаружил решительное стремление к материализму, но мало-по-малу изменил образ мыслей и в зрелом возрасте и старости сблизился с христианскою философию. Оправдывая при сем Гете против делаемых ему упреков в безбожии, он показывает, что сей вдохновенный поэт и философ не мог следовать примеру умов обыкновенных и, склоняясь к христианской вере, должен был избрать лучшую и основательнейшую систему, то-есть систему рационализма.

«Нижеприводимые места удостоверяют, что автор не только одобряет, но и разделяет вполне убеждение Гете, почему книжка сия и подлежит, по нашему мнению, запрещению...

...Стр. 78. «Я не могу порицать и упрекать вас [Гете] в том, что вы не хотели изъять обыкновенным образом вашей веры, приобретенной путем необыкновенным, что вы не посещали церковь, не участвовали в причащении, ибо вы не нуждались или полагали, что не нуждаетесь в сих духовных упражнениях, подобно обыкновенным христианам»...⁵

Книга была подвергнута запрещению.

Что явствует из этих примеров?

Из сопоставления цитируемых «предосудительных» мест с содержанием §§ 3 и 78 Цензурного устава, на которые сделана ссылка, обнаруживается отнюдь не случайный характер цензорских опасений и подозрений. Уже рассуждения о веротерпимости или о библейских вопросах делали Гете неблагонадежным в мнении цензуры. Даже фразеология была подозрительно скептическая: «одаренные люди, начертившие слово божие» (о евангелистах—в «Разговорах с Экерманом»); сопоставление христианства с мусульманством по поводу категорического императива (там же), замечание о том, что у «учеников вероятно кружилась голова» (в книге Деринга), и т. д. Даже вполне традиционные выражения вроде фразы о том, что «люди начали образоваться всемогуществом божьим», оказывались в таком контексте, который совершенно нейтрализовал их.

Попытки же комментаторов и апологетов доказать или оправдать «христианство» Гете достигали с точки зрения цензуры совершенно противоположного: они скорее способствовали представлению о поэте как о скептике, как о «великом язычнике». Если мировоззрение Гете, выраженное в его стихах, драмах и прозаических вещах, еще являлось приемлемым, то раскрытие этого мировоззрения и его истолкование выходили за пределы дозволенного. То, чего не договорил Гете, не должны были, по мнению цензуры, опубликовывать или договаривать комментаторы, не должны были настаивать на этом.

В данном отношении очень любопытна цензурная судьба, постигшая много позднее—уже в 1852 г.—один из комментариев ко второй части «Фауста»—книгу Г. Дюнцера «Goethe's Faust. Zum erstenmal vollständig erläutert. Zweiter Teil. Leipzig. 1851». Чтобы правильно оценить факт запрещения этой книги, нужно конечно учесть и время, к которому оно относится,—время семилетнего цензурного террора, время бутурлинского комитета и максимального обострения реакции.

Вторая часть «Фауста» была беспрепятственно пропущена цензурой в составе I тома посмертного издания сочинений Гете (в 1833 г.). Что касается комментария Дюнцера, то многие места, в числе прочих приведенные в цензурском рапорте и послужившие основанием к запрету, были почти что пересказом трагедии, всего лишь изложением отдельных ситуаций; лишь порой подчеркивалась, выделялась та или иная деталь. Вот рапорт об этой книге (от 8 апреля 1852 г.), принадлежащий перу цензора Л. Роде:

«Сочинение, второй том которого служит предметом настоящего донесения, представляет комментарий к драматической поэме «Фауст». Первый том этого комментария касается первой части названной поэмы; он дозволен цензурой. Что до второго тома, относящегося ко второй части поэмы, то в нем есть вещи, которые мы считаем нужным представить на суд Комитета...»

Затем цензор приводит целый ряд пространных цитат, подчеркивающих социальные мотивы и раскрывающих отдельные положения второй части «Фауста» в соци-

ально-историческом плане. Опуская некоторые из этих цитат, привожу наиболее показательные места рапорта Л. Роде:

Стр. 30 — 69. «Глава, занимающая эти страницы, озаглавлена словом «Mittmenschanz», что означает маскаррад. Фауст и Мефистофель прибыли ко двору римского императора. Какого, не сказано; во всяком случае это император средневековый, и поэт рисует его юношей, который, вместо того чтобы серьезно и добросовестно править государством, пользуется своей неограниченной властью только затем, чтоб наслаждаться жизнью, и проводит время в удовольствиях и развлечениях, убаюкиваясь однако при мысли, что он любим своим народом и что народ счастлив под его скипетром,—заблуждение, в котором еще укрепляют его министры и вообще льстецы. Как бы то ни было, автор разбираемой книги, истолковывая эту часть поэмы, пытается показать, что поэт между прочим желал в ней выразить бедственность такого порядка вещей и несчастные последствия, вытекающие из него, и по этому поводу встречаются следующие семь мест:

Стр. 58. «Конец маскаррада представляет намек на революцию, разразившуюся по вине правителя и окружающих его и являющуюся противоположностью мудрого правления, которое представлено в образе Победы, богини деятельности во всех смыслах...»

Стр. 60. «Не требуется большой проницательности, чтобы понять, что под маской сатира здесь выведен легкомысленный ум монарха, который злоупотребляет своей властью, считает народ за породу, лишенную силы и могущества, обреченную рабству и не имеющую никакого права на свободу и на независимое развитие».

Стр. 62. «Если фавны, сатиры и гномы изображают пороки, которыми монарх губит свое могущество, а именно жажду чувственных наслаждений, оскорбительное презрение к народу и корыстолюбие, никогда не останавливающееся перед тем, чтобы попортить права, то великаны спутники Пана изображают лживых советчиков престола, нисколько не заботящихся о развитии и духе народа, который, правда, может быть угнетаем некоторое время, но не может навсегда застыть в рабстве, стремящихся попортить ногами все, что противится неограниченной власти, непреклонной и руководимой одним эгоизмом...»

Стр. 66. «Мы останавливаем здесь внимание на словах Гете о том, что каждая великая революция является следствием не вины народа, а вины правительства».

«...Меж тем как император и его советники верят коварным словам Мефистофеля, что нужны только деньги и что государство стало бы счастливым, как только удалось бы их раздобыть,—Фауст, напротив, показывает нам, что благосостояние империи может быть лишь следствием разумной деятельности, что монарх, служащий лишь собственным эгоистическим целям и угнетающий народ, который он призвал сделать счастливым, только подготавливает бурное сотрясение существующего строя...»

Стр. 125. «Слыша упоминание о городе Фарсале, где Цезарь одержал великую победу над Помпеем, Мефистофель вспоминает многочисленные бои за освобождение народа, где по большей части сражаются лишь тираны против тиранов, а дело свободы, за которое якобы бьются, служит лишь поводом, которым тираны с большей или меньшей ловкостью умеют пользоваться, чтоб поднять народ для собственных целей...»

Стр. 321. «Не колеблясь, император приписывает победу всемогущему богу и приказывает петь *Te Deum*. Здесь поэт бичует сатирой странный обычай—запевать в честь царя небес *Te Deum laudamus* после кровавой битвы, в которой победа часто одерживается средствами, весьма достойными осуждения, например изменой и коварством, и, несмотря на то, что война всегда есть несчастье, празднество дьявола...»

Заключение цензора было однако вполне благоприятно для книги: он считал ее позволительной, если не в целости, то во всяком случае по исключении предосудительных мест:

«Относительно мест, указанных на стр. 58, 59, 60, 62, 65, 66 и 68, мы должны заметить, что речь идет очевидно о Римской империи средних веков, империи, чьи установления разумеется менее всего годились, чтобы служить примером, и где порядок слишком часто сменялся беспорядком; что следовательно речь идет не о государстве вообще или государях вообще, а лишь об одном государе, который, предаваясь наслаждениям, не исполняет своих обязанностей главы государства. Поэтому мы держимся того мнения, что следовало бы позволить главу «Mittmenschanz» в целости, тем более, что она находится в сочинении очень серьезного характера и отнюдь недоступном всякому. Уже вторая часть самой поэмы такового, что находит мало читателей, и мы полагаем возможным утверждать с полной уверенностью, что даже большая часть многочисленных обладателей полного собрания сочинений Гете не читала ее. То же самое в еще большей мере относится к этому

комментарии, который, мы не думаем ошибиться, найдет покупателей лишь среди немногих из числа ультрапоклонников великого поэта. Однако приведенные места — несколько щекотливого свойства, и вот почему мы воздерживаемся от окончательного суждения... В случае, если Комитет не разделит нашего вышеизложенного мнения, мы считаем, что будет достаточным исключить лишь стр. 58—68.

«Что до других мест, о которых мы говорили в этом рапорте, то мы не находим их особенно опасными, и от Комитета будет зависеть пропустить и их, позволяя всю книгу в целости».

Комитет однако обманул ожидания Л. Роде: вместо того чтобы позволить ее в целости или хотя бы с исключением отдельных мест, он запретил ее целиком. Решение его сформулировано так:

«Комитет, рассмотрев приведенные Г. Цензором места, нашел, что оные не могут воспользоваться снисхождением Цензуры и, по множеству их, признал за лучшее весь второй том сочинения Дюнцера «Goethe's Faust» запретить для публики, не подводя впрочем сего запрещения под статьи Уложения о наказаниях».

Еще один мелкий штрих к цензурной «критике» «Фауста». Самая трагедия была дозволена. Но в одном рапорте 1839 г. (донесении цензора Соца о драме Жорж Занд «Семь струн лиры») вскользь, ради сравнения, упоминается трагедия Гете. О произведении Занд «Les sept cordes de la lyre» Соц, изложив ее сюжет, представляющий некоторые черты сходства с «Фаустом», отзывался, что

«эта волшебнo-мистическая драма отличается от известного произведения Гете отсутствием сцен, оскорбляющих благопристойность»...

А. Федоров

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Рапорты ценсурных комитетов в Одессе, Вильне и рижских ценсоров» 1834, № 649, л. 203. Оригинал рапорта писан ломаным французским языком, которым в своих донесениях считал нужным изъясняться цензор Граве и который местами (в первой фразе) затемняет смысл; имеется ряд синтаксических ошибок, неудачных оборотов, неуместно выбранных слов. Цитаты из немецкой книги тоже даны по-французски.

² Журналы заседаний Комитета цензуры иностранной в СПб, 1834, л. 199.

³ Рапорты Комитета цензуры иностранной в СПб, 1836, т. II, № 911, лл. 386 — 388.

⁴ Рапорты Комитета цензуры иностранной в СПб, 1839, т. II, № 1104, лл. 360 — 361.

⁵ Рапорты Комитета цензуры иностранной в СПб, 1833, т. I, № 17, лл. 33 — 34.

⁶ Рапорты Комитета цензуры иностранной в СПб, 1852, т. I, № 488, лл. 728 — 731. — Перевод с французского языка, на котором писал всегда свои рапорты цензор Л. Роде.

⁷ Журналы заседаний Комитета цензуры иностранной за 1852 г., лл. 115—116, журнал заседания 8 апреля № 15.

⁸ Рапорты Комитета цензуры иностранной в СПб, 1839, т. II, № 917, л. 168.

Помимо указанных изданий Гете рижская цензура столкнулась и с Гете-журналистом. В августе 1797 г. ею были запрещены издаваемые Шиллером при ближайшем участии Гете сборники «Ноген», при чем среди других «недозволительных» произведений в одной книге «Ноген» (№ 1 за 1795 г.) цензурой отмечена гетевская вводная новелла к «Беседам немецких эмигрантов». Разыскания об этом сделаны т. Морозовым.